

Социально-психологическая структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи

А.В. МИКЛЯЕВА*,
ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
a.miklyaeva@gmail.com

М.И. ПОСТНИКОВА**,
ФГАОУ ВО САФУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
post-margarita@yandex.ru

В статье представлены результаты исследования, направленного на изучение социально-психологической структуры межпоколенческих отношений студенческой молодежи, проживающей в разных регионах России. В исследовании приняли участие 102 студента в возрасте 17–24 лет, проживающие в г. Санкт-Петербурге и г. Архангельске. Теоретико-методологическую базу исследования составили социологический подход к пониманию феномена «поколение», а также социально-психологическая трактовка поколения как большой социальной группы. Результаты структурированы в соответствии с тремя исследовательскими вопросами: 1. Каково влияние гетерогенности социокультурных условий на становление системы межпоколенческих отношений? 2. Каким образом взаимосвязаны между собой характеристики поколенческой идентификации и межпоколенческих отношений? 3. Каким образом реальный опыт взаимодействия с представителями разных поколений опосредует характер межпоколенческих отношений? Результаты исследования показывают, что среди респондентов доминирует идентификация с постсоветским поколением (независимо от места жительства), структура социальных контактов также носит универсальный характер (более 50% составляют представители постсоветского поколения, по 17–20% — переходного и советского поколений, около 5% — послевоенного поколения). Регрессионный анализ свидетельствует о том,

Для цитаты:

Микляева А.В., Постникова М.И. Социально-психологическая структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 114–126. doi:10.17759/sps.2019100209

* Микляева Анастасия Владимировна — доктор психологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (ФГБОУ ВО РГПУ), Санкт-Петербург, Россия, a.miklyaeva@gmail.com

** Постникова Маргарита Игоревна — доктор психологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (ФГАОУ ВО САФУ), Архангельск, Россия, post-margarita@yandex.ru

что большое количество внутрипоколенческих связей является предиктором размытой поколенческой идентичности, которая, в свою очередь, опосредует характер межпоколенческих отношений, прежде всего, с представителями «своего» поколения.

Ключевые слова: поколение, межпоколенческие отношения, поколенческая идентичность, молодежь, студенты, военное поколение, послевоенное поколение, советское поколение, переходное поколение, постсоветское поколение.

Постановка проблемы исследования

Проблема взаимоотношений между поколениями привлекает к себе внимание на протяжении многих столетий, но особенно она обострилась на рубеже XX и XXI веков в связи с нарастанием социальной неопределенности и нестабильности. Значимость проблематики межпоколенческих отношений определяется тем, что отношения между поколениями традиционно рассматриваются как опосредующее звено бытия общества, определяющее возможность его непрерывной истории [7], качественного обновления типов деятельности людей в областях культуры и производства [16]. В современной науке приняты два принципиально разных толкования поколения: генерационное (при котором поколение понимается как этап происхождения от единого предка) [16] и социологическое (при котором поколение понимается как совокупность схожих по возрастным признакам людей, на формирование личности которых оказывают влияние схожие социально-исторические условия) [6]. В нашем исследовании поколение трактуется в социологическом ключе как «объективно складывающаяся социально-демографическая и культурно-историческая общность людей, объединенных границами возраста и общими условиями

формирования и функционирования в конкретно-исторический период времени» [2, с. 42]. Выбор данной позиции обусловлен тем, что, по мнению целого ряда исследователей, в современных социально-исторических условиях генерационный подход к трактовке феномена поколения не отвечает существующим сегодня многомерным способам взаимодействия между людьми, трансляции социального опыта [18; 19]. Так, по мнению В.З. Шурбе, опирающейся на типологию культур М. Мид [9], в современных социальных условиях формируется новый тип межпоколенческих отношений — полифигуративный тип культуры, характеризующийся обучением представителей разных поколений у разных поколений, формированием общего опыта одно- и одновременно живущих поколений [19].

Изменение парадигмы исследования межпоколенческих отношений, выражающееся в переходе от анализа «вертикальной» межпоколенческой трансмиссии культурного опыта к изучению «горизонтального» взаимодействия, позволяет по-новому осмыслить закономерности межпоколенческих отношений, переходя от их традиционного анализа в континууме «конфликт поколений — преемственность поколений» к изучению практик реального взаимодействия между поколениями как большими социальными группами и отдельными людьми как представителя-

ми поколений. Современная реальность межпоколенческих отношений может быть описана с помощью термина «селективная преемственность» [6]: некоторые знания, нормы и ценности усваиваются и передаются между поколениями, другие, не соответствующие изменившимся социальным условиям, трансформируются или отвергаются. В этих условиях «разрывы» проходят не между «старшими» и «младшими» поколениями, а между социальными группами, функционирующими в неоднородном социальном и информационном пространстве. В частности, по мнению ряда исследователей, в информационно- и ценностно-однородной культурной среде между «старшими» и «младшими» поколениями гораздо больше общего, чем между представителями одного поколения из разных социальных групп [4]. В этой связи имеющиеся в современной социально-психологической литературе сведения о «ценностном разрыве» между поколениями [14; 17], поколенческих различиях [11; 21], поколенческой идентичности [22] и т.д. нуждаются в детальном анализе на материале кросс-секционных исследований для уточнения содержательной специфики «межпоколенческих разрывов» в контексте гетерогенности социальных условий [13].

Еще одна исследовательская проблема возникает в связи с необходимостью определения поколенческих групп, представленных в социальной структуре современного российского общества. В рамках социологической трактовки феномена «поколение» в качестве критериев дифференциации целесообразно рассматривать социокультурный контекст формирования поколения как большой социальной группы, социально-психологические особенности которой (социальные представления,

нормы, ценности, смысложизненные ориентации и др.) определяются социально-историческими условиями включения людей, близких по возрасту, в поколенческую общность [1]. Анализируя социально-исторический контекст становления межпоколенческих отношений в современной России, разные авторы выбирают различные «переломные моменты» в истории страны, определяющие своеобразие социокультурных условий формирования поколений. Так, Ю.А. Левада в качестве переломных моментов выделяет революционный период (1905–1930 гг.), период «сталинской» мобилизации (1930–1941 гг.), военный и послевоенный периоды (1941–1953 гг.), период «оттепели» (1953–1964 гг.), период «застоя» (1964–1985 гг.), период «перестройки» (1985–1999 гг.), констатируя тем самым наличие пяти поколений в структуре российского общества начала XXI века [8]. В.И. Пищик в качестве переломного события в современной истории России рассматривает смену эпохи социализма постсоветской эпохой, повлекшей за собой изменения социокультурного контекста, что позволяет выделить три поколения: советское, постсоветское и переходное [12]. Аналогичные поколения выделяет и Н.В. Сиврикова, использующая в качестве дифференцирующих критериев, помимо исторической эпохи формирования поколения, возрастные и семейно-ролевые признаки представителей поколенческих групп [15]. В нашем исследовании в качестве критериев дифференциации поколений рассматриваются возраст, историческая эпоха, оказавшая влияние на становление личности, а также социальная роль в семье и в обществе, на основании которых были выделены пять поколений, взаимодействующих в совре-

менном российском обществе: военное поколение (формирование ценностей которого связано с периодом Великой Отечественной войны); послевоенное поколение (формирование ценностей которого связано с периодом послевоенного восстановления СССР); советское поколение (формирование ценностей которого связано с эпохой «позднего» СССР); переходное поколение (формирование ценностей которого пришлось на эпоху перестройки, прекращения существования СССР и период накопления первичного капитала) и постсоветское поколение (формирование ценностей которого связано с эпохой стабилизации социально-экономической ситуации в России) [13].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, каким образом развиваются отношения между поколениями как большими социальными группами. Учитывая символический характер поколенческой общности, в основе существования которой лежат механизмы социальной идентификации составляющих ее людей [10], анализ поколенческих взаимоотношений может осуществляться как на уровне изучения социальных представлений и стереотипов (как это чаще всего делается в современной социальной психологии), так и на уровне изучения практик повседневного взаимодействия между представителями разных поколений, а также их психологических эффектов. В зарубежных исследованиях показано, что реальный опыт межпоколенческого взаимодействия опосредует содержание поколенческих стереотипов, снижая их значимость в регуляции межпоколенческого взаимодействия [20].

В соответствии со сказанным выше нами были сформулированы следующие исследовательские вопросы:

1. Каково влияние гетерогенности социокультурных условий на становление системы межпоколенческих отношений?

2. Каким образом взаимосвязаны между собой характеристики поколенческой идентификации и межпоколенческих отношений?

3. Каким образом реальный опыт взаимодействия с представителями разных поколений опосредует характер межпоколенческих отношений?

Поиск ответов на эти вопросы осуществлялся на примере представителей постсоветского поколения, проживающих в разных социокультурных условиях (Санкт-Петербург и Архангельск).

Программа исследования

Целью проведенного исследования стало изучение социально-психологической структуры межпоколенческих отношений студенческой молодежи, проживающей в разных регионах России. В исследовании приняли участие 102 респондента — учащиеся высших учебных заведений, в том числе 49 жителей г. Архангельска (22 юноши и 27 девушек, средний возраст — $20,81 \pm 2,17$ лет) и 53 жителя г. Санкт-Петербурга (27 юношей и 26 девушек, средний возраст — $19,93 \pm 1,98$ лет).

Исследование проводилось в январе—марте 2018 г. с помощью метода анкетирования. Была разработана авторская анкета (А.В. Микляева). В ходе анкетирования оценивались следующие параметры: 1) содержание поколенческой идентичности и «сила» идентификации (7-балльная шкала); 2) объем и содержание социальных контактов с представителями различных поколений (на основе самооценки, а также анализа системы

социальных контактов, проведенного с помощью модифицированной методики «Социальные сети подростка» [5]); 3) характеристики межпоколенческих отношений, оцененных по параметрам «дискомфорт—комфорт», «дистанция—близость», «конфликтность—бесконфликтность», «неуважение—уважение», «непонимание—понимание», «напряженность—спокойствие» (7-балльная шкала). В процессе обработки полученных результатов использовались критерииальный (U-критерий Манна—Уитни, ϕ^* -критерий Фишера), корреляционный (r_s -коэффициент Спирмена) и регрессионный анализы.

Результаты исследования и их обсуждение

Полученные в нашем исследовании результаты позволяют утверждать, что подавляющее большинство студентов Санкт-Петербурга и Архангельска идентифицируют себя с постсоветским поколением, ценности которого формировались в эпоху стабилизации социально-экономической ситуации в России (89,2%). Достоверно реже ($p < 0,01$) наблюдается идентификация с переходным поколением, ценности которого форми-

ровались в эпоху перестройки, распада СССР и периода накопления первичного капитала (7,8%). Другие поколенческие идентификации наблюдаются в единичных случаях. Сравнительный анализ показал, что «сила» идентификации с постсоветским поколением в выборке студентов-петербуржцев достоверно выше, чем в выборке студентов-архангелогородцев (табл. 1).

Анализ самооценки объема социальных контактов респондентов с представителями различных поколений показал, что молодые люди вовлечены преимущественно во взаимодействие с представителями собственного поколения. Как видно из таблицы 2, объем контактов с представителями своего и других поколений у студентов Санкт-Петербурга и Архангельска практически не различается. Студенты в целом достоверно чаще контактируют с представителями своего (постсоветского) поколения ($p < 0,01$), с которыми, как и с представителями переходного поколения, их связывают, в первую очередь, дружеские контакты или контакты по работе.

Послевоенное и советское поколения почти полностью представлены родственниками (чаще всего родителями, бабушками и дедушками). Важно отметить, что респонденты довольно точно

Таблица 1

Идентификация с разными поколениями студентов Санкт-Петербурга и Архангельска

Поколения	Студенты Санкт-Петербурга	Студенты Архангельска	Достоверность различий
Военное	1,44±1,02	2,05±1,52	$p < 0,05$
Послевоенное	1,52±1,02	2,20±1,49	$p < 0,01$
Советское	1,85±1,50	2,64±1,56	$p < 0,01$
Переходное	2,79±2,13	3,59±1,92	$p < 0,01$
Постсоветское	5,15±1,91	4,70±1,61	$p < 0,05$

отражают реальную структуру межпоколенческих отношений, в которые они включены (на это указывает практически полное совпадение сведений, полученных на основе анализа системы социальных связей респондентов и их самооценки поколенческой структуры социальных контактов), и вполне удовлетворены имеющимся положением дел.

Анализ содержания межпоколенческих контактов показывает, что у респондентов-архангелогородцев в целом несколько шире круг социальных контактов, что характерно как для сферы инструментальной поддержки, так и для сферы доверительных отношений (табл. 3).

Оценивая свои отношения с представителями разных поколений, студенты-

архангелогородцы характеризуют их в целом как более благоприятные, в сравнении с оценками студентов-петербуржцев (табл. 4).

Характеризуя свои отношения с представителями других поколений, студенты-архангелогородцы в качестве наиболее позитивных описывают отношения с представителями военного и послевоенного поколений, особенно акцентируя внимание на уважении, бесконфликтности, низкой эмоциональной напряженности этих отношений.

Также позитивная характеристика дается отношениям с представителями собственного поколения, в которых в первую очередь подчеркиваются комфорт, близость и понимание. Отношения

Таблица 2
Оценка объема контактов с представителями различных поколений студентами Санкт-Петербурга (СПб) и Архангельска (А)

Поколения	Самооценка частоты контактов (%)				Анализ социальных контактов (%)	
	Реальный объем контактов		Желательный объем контактов			
	СПб	А	СПб	А	СПб	А
Военное	2,5	2,2	6,1	5,6	-	-
Послевоенное	4,7	5,0	6,7	6,9	1,7	5,3
Советское	16,9	17,2	15,3	13,1	21,6	25,1
Переходное	19,4	22,2	21,7	19,7	17,8	14,5
Постсоветское	56,5	53,4	50,2	54,7	58,9	55,1

Таблица 3
Инструментальные и доверительные контакты студентов с представителями разных поколений

Поколения	Инструментальные контакты			Доверительные контакты		
	Санкт-Петербург	Архангельск	Достоверность различий	Санкт-Петербург	Архангельск	Достоверность различий
Послевоенное	0,16	0,29	-	0,08	0,13	-
Советское	1,04	1,39	-	0,79	1,00	-
Переходное	0,85	0,77	-	0,81	0,55	-
Постсоветское	1,98	3,03	p<0,01	2,81	2,94	-

с представителями советского и переходного поколений характеризуются студентами как неоднозначные, ключевой проблемой в них, с точки зрения респондентов, является проблема понимания. В отношениях с представителями собственного поколения, которые студенты в целом тоже оценивают как достаточно благополучные, в качестве проблемной точки на первый план выходит конфликтность.

В целом, можно отметить, что поколенческое сходство выражается для студентов, прежде всего, в оценках отношений как комфортных и психологически близких, с одной стороны, и несущих в себе потенциал конфликта, с другой стороны. Оценки студентов-петербуржцев в целом демонстрируют те же тенденции по

отношению к старшим поколениям (военному и послевоенному), однако оценки отношений к постсоветскому и переходному поколениям достоверно ниже, чем в выборке студентов-архангелогородцев, в первую очередь по параметру «уважение». Необходимо подчеркнуть, что респонденты обеих групп как наиболее благополучные описывают отношения с представителями военного поколения, опыт социальных контактов с которыми у них крайне мал (на основе анализа системы социальных контактов можно утверждать, что этот опыт полностью отсутствует), а также с представителями послевоенного поколения, опыт общения с которыми ограничен рамками семейного взаимодействия и исчерпывается, прежде всего, инструментальными контактами.

Таблица 4

Оценки отношений с представителями разных поколений респондентами Санкт-Петербурга (СПб) и Архангельска (А)

Оценка отношений с:		Комфорт	Близость	Бесконфликтность	Уважение	Понимание	Спокойствие
военным поколением	СПб	4,25	3,56	5,33	6,06	4,37	4,40
	А	4,91	4,52	5,23	6,57	4,43	5,18
	p<	-	0,05	-	-	-	0,05
послевоенным поколением	СПб	3,94	3,40	5,06	4,87	4,42	3,83
	А	5,09	4,70	4,88	5,95	4,14	5,28
	p<	0,05	0,95	-	0,05	-	0,05
советским поколением	СПб	3,65	3,41	4,12	4,47	3,82	3,78
	А	5,38	4,81	4,55	5,48	4,02	4,93
	p<	0,05	0,05	-	0,05	-	0,05
переходным поколением	СПб	4,42	4,18	4,71	4,40	4,87	4,40
	А	5,38	5,00	4,49	5,14	4,32	5,11
	p<	-	0,05	-	0,05	-	0,05
постсоветским поколением	СПб	4,5	4,63	3,87	3,25	3,85	4,52
	А	4,67	5,34	4,17	5,16	3,83	5,01
	p<	0,05	-	-	0,01	-	-

Корреляционный анализ показал, что структура взаимосвязей между оцениваемыми показателями в выборках респондентов-петербуржцев и архангелогородцев различается довольно существенно. Наиболее яркие различия наблюдаются во взаимосвязях показателей, сгруппированных вокруг параметра «сила идентификации с постсоветским поколением». В выборке студентов-петербуржцев этот показатель отрицательно связан с целым рядом оценок отношений с переходным и постсоветским поколениями ($p \leq 0,05$), с показателем «понимание» в отношениях с представителями военного поколения ($p < 0,05$), с показателями «понимание» ($p < 0,01$) и «близость» ($p < 0,05$) с представителями послевоенного поколения. В выборке респондентов-архангелогородцев обнаружена положительная взаимосвязь между «силой идентификации с постсоветским поколением» и объемом инструментальных ($p < 0,05$) и доверительных ($p < 0,05$) контактов с представителями постсоветского поколения. На этом основании было выдвинуто предположение о том, что между реальным опытом межпоколенческих контактов, силой идентификации с собственным поколением и характером отношений с представителями собственного и других поколений существуют причинно-следственные связи. Это предположение проверялось с помощью регрессионного анализа на материале совокупной выборки ($n=102$). На первом этапе было выявлено, что в качестве детерминанты показателя «сила идентификации с постсоветским поколением» в выборке молодых людей может рассматриваться количество доверительных внутрипоколенческих контактов, характеризующее систему реальных социальных связей респондентов ($r = 0,24$, $p < 0,05$ при $r^2 = 0,39$).

Эти данные можно объяснить с позиций теории социальной идентичности, согласно которой социальная идентификация протекает в условиях межгруппового сравнения, на основе опыта ин- и аутгруппового взаимодействия [23].

На втором этапе было показано, что показатель «сила идентификации с постсоветским поколением» в свою очередь опосредует характер внутрипоколенческих отношений, в частности, высокий уровень поколенческой идентификации является предиктором отрицательной оценки отношений с представителями «своего» поколения по параметру «уважение» ($r = -0,30$, $p < 0,05$ при $r^2 = 0,31$). Этот результат противоречит имеющимся в социальной психологии сведениям об эффекте ингруппового фаворитизма [3], в силу чего взаимосвязь между характеристиками поколенческой идентификации и внутрипоколенческого взаимодействия требует отдельного эмпирического исследования.

Выводы

Таким образом, на основе полученных результатов можно утверждать следующее:

1. Среди студентов-петербуржцев и архангелогородцев преимущественно распространена идентификация с постсоветским поколением, при этом в выборке студентов-петербуржцев констатируется более выраженная идентификация с постсоветским поколением, в сравнении со студентами-архангелогородцами.

2. У студентов-архангелогородцев система социальных контактов в целом несколько шире, чем у петербуржцев, однако ее поколенческая структура в обеих выборках практически одинакова: более

50% составляют представители «своего» (постсоветского) поколения, около 17–20% приходится на переходное поколение, столько же — на советское поколение, послевоенное поколение составляет около 5%, представители военного поколения студентами не упоминаются. Взаимодействие с представителями послевоенного и советского поколений сосредоточено преимущественно внутри семьи, внутр поколенческое общение и общение со смежным (переходным) поколением сосредоточено в основном в сфере дружеских, учебных и профессиональных контактов. На основе результатов регрессионного анализа можно утверждать, что большое количество внутр поколенческих инструментальных связей является предиктором размытой поколенческой идентификации, что наглядно проявилось в выборке студентов-архангелогородцев.

3. Оценки отношений со старшими поколениями (военным и послевоенным) в обеих выборках не различаются и характеризуются положительной модальностью. Однако тот факт, что опыт общения респондентов с представителями названных поколений ограничен, позволяет предполагать, что эти оценки носят преимущественно декларативный характер. Оценки отношений с теми поколениями, с представителями которых респонденты находятся в более или менее тесных повседневных контактах, более дифференцированы.

4. Отношения к «своему» поколению опосредованы силой поколенческой идентификации и достоверно различаются. Студенты-петербуржцы, для ко-

торых характерна большая сила идентификации с постсоветским поколением, оценивают свои отношения с представителями данного поколения достоверно ниже, чем респонденты, проживающие в Архангельске.

В целом, несмотря на выявленные различия в силе идентификации и оценках межпоколенческих отношений, структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге и Архангельске, оказалась во многом схожей. Некоторые результаты, полученные в исследовании, оказались довольно предсказуемыми (например, тот факт, что по мере интенсификации реального межпоколенческого взаимодействия межпоколенческие отношения становятся более дифференцированными). Другие выводы оказались неожиданными. В частности, применительно к нашей выборке «не сработал» эффект ин-группового фаворитизма, согласно которому студенты с сильной поколенческой идентификацией должны были бы оценивать отношения с представителями «своего» поколения выше, а не ниже, как это получилось по результатам нашего исследования. В этой связи возникает целый ряд исследовательских вопросов, которые касаются, в первую очередь, универсальности выявленных закономерностей межпоколенческих отношений для молодых людей, проживающих в других регионах России, а также для представителей других поколений современного российского общества. Поиск ответов на эти вопросы будет осуществлен в наших следующих исследованиях.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-013-00910А).

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1986. 174 с.
2. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42–48.
3. Гулевич О.А., Онучин А.Н. Основные направления изучения эффектов межгруппового восприятия // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 53–67.
4. Изотова Е.И., Голубева Н.А., Гребенникова О.В. Феномен межпоколенной трансмиссии в социокультурном и информационном пространствах современности // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С. 51–63.
5. Казьмина О.Ю. Тест «Социальные сети подростка» // Школьный психолог. 1998. № 41. С. 2.
6. Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.
7. Лезгина Д.В. Проблема преемственности поколений (в западноевропейской философии): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2004. 20 с.
8. Левада Ю.А. Сочинения. Избранное: социологические очерки, 2000–2005. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. 507 с.
9. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Изд-во «Наука», 1988. 429 с.
10. Микляева А.В. Психология межвозрастных отношений. М.: Перо, 2014. 159 с.
11. Пищик В.И. Типология ментальности советских и постсоветских поколений // Российский психологический журнал. 2010. Т. 7. № 3. С. 18–24.
12. Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.
13. Постникова М.И. Психология отношений между поколениями в современной России: Дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2011. 445 с.
14. Рикель А.М., Доренская С.В. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 205–227. doi: 10.21702/rpj.2017.4.10
15. Сиврикова Н.В. Проблемы изучения поколений в психологии // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 100–107. doi: 10.17759/chp.2015110210
16. Толстых А.В. Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб.: Алетейя, 2000. 288 с.
17. Федотова В.А. Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 82–92. doi: 10.17759/sps.2016070206
18. Цымбаленко С.Б. Взаимодействие поколений в новом социальном измерении // Мир психологии. 2017. № 1 (89). С. 63–69.
19. Шурбе В.З. Поколение хай-тек и «новый конфликт» поколений? // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 100–106.
20. Abrams D., Eller A., Bryant J. An age apart: the effects of intergenerational contact and stereotype threat on performance and intergroup bias // Psychology and aging. 2006. Vol. 21. P. 691–702.
21. Campbell W.K. et al. Generational Differences Are Real and Useful // Industrial and Organizational Psychology. 2015. Vol. 8 (3). P. 324–331. doi: 10.1017/iop.2015.43

22. Lyons S.T. et al. A qualitative exploration of generational identity: Making sense of young and old in the context of today's workplace // *Work, Aging and Retirement*. 2017. Vol. 3 (2). P. 209–224. doi: 10.1093/workar/waw024
23. Tajfel H., Turner J. An integrative theory of intergroup conflict // *The Social Psychology of Intergroup Relations* / Ed. by W.G. Austin and S. Worchel. Monterey: Books Publishing Company, 1979. P. 33–49.

A Socio-psychological Structure of Intergenerational Relationships of students

A. V. MIKLYAEVA *,
Herzen State Pedagogical University,
St. Petersburg, Russia, a.miklyaeva@gmail.com

M.I. POSTNIKOVA **,
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russia, post-margarita@yandex.ru

The article presents the study aimed at researching the socio-psychological structure of intergenerational relations among students living in different regions of Russia. The study involved 102 students living in Saint-Petersburg and Arkhangelsk, aged 17–24 years. The theoretical and methodological basis of the study was a sociological approach to generation, as well as the socio-psychological interpretation of the generation as a large social group. The results are structured according to three research questions: 1) what is the influence of heterogeneity of sociocultural conditions on the formation of the intergenerational relations? 2) how are the characteristics of generational identification and the intergenerational relations interrelated? 3) how does the experience of real interaction with representatives of different generations mediate the intergenerational relations? The results of the study show that the identification with the post-soviet generation dominates among the respondents (regardless of place of residence), the structure of social contacts is also universal (more than 50% of the post-soviet generation, 17–20% of the transitional and soviet generation, about 5% of the post-war generation). Regression analysis shows that a large number of intragenerational relationships is a predictor of blurred generational identity, which, in turn, mediates the intergenerational relationships, primarily with representatives of “own” generation.

For citation:

Miklyaeva A.V., Postnikova M.I. A Socio-psychological Structure of Intergenerational Relationships of students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 114–126. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100209

* Miklyaeva Anastasia V. — Doctor of Science in Psychology, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, a.miklyaeva@gmail.com

** Postnikova Margarita I. — Doctor of Science in Psychology, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, post-margarita@yandex.ru

Keywords: generation, intergenerational relations, generational identity, youth, students, military generation, post-war generation, soviet generation, transitional generation, post-soviet generation.

Funding

This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 18-013-00910 А).

REFERENCES

1. Blok M. Apologiya istorii ili remeslo istorika [Apology of history or the craft of the historian]. Moscow: Nauka, 1986. 174p. (In Russ.).
2. Glotov M.B. Pokolenie kak kategoriya sociologii [Generation as a category of sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2004, no.10, pp. 42–48. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Gulevich O.A., Onuchin A.N. Osnovny`e napravleniya izucheniya e`ffektov mezhgruppovogo vospriyatiya [The main directions of studying the effects of inter-group perception]. *Voprosy` psixologii [Questions of Psychology]*, 2002, no. 3, pp. 53–67. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Izotova E.I., Golubeva N.A., Grebennikova O.V. Fenomen mezhpokolennoj transmissii v sociokul`turnom i informacionnom prostranstvax sovremennosti [The Phenomenon of intergenerational transmission in social, cultural and information spaces of modernity]. *Mir psixologii [World of psychology]*, 2017, no. 1 (89), pp. 51–63. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Kaz`mina O.Yu. Test «Social`ny`e seti podrostka» [Test “social networks of the teenager”]. *Shkol`ny`j psixolog [School Psychologist]*, 1998, no. 41, p. 2. (In Russ.).
6. Kon I.S. Sociologiya lichnosti [Sociology of personality]. Moscow: Politizdat, 1967. 383 p. (In Russ.).
7. Lezgina D.V. Problema preemstvennosti pokolenij (v zapadnoevropejskoj filosofii). Avtopef. diss. kand. psikh. nauk. [The Problem of continuity of generations: in Western philosophy. Ph. D. (Psychology) Thesis]. St. Petersburg, 2004. 20 p. (In Russ.).
8. Levada Yu.A. Sochineniya. Izbrannoe: sociologicheskie ocherki, 2000–2005 [Compositions. Selected: Sociological Essays, 2000–2005]. Moscow: Publ. «Karpov E.V.»., 2011. 507 p. (In Russ.).
9. Mid M. Kul`tura i mir detstva. Izbranny`e proizvedeniya. Moscow: Publ. «Nauka», 1988. 429 p. (In Russ.).
10. Miklyaeva A.V. Psixologiya mezhvozrastny`x otnoshenij [Psychology of inter-age relationships]. Moscow: Pero, 2014. 159 p. (In Russ.).
11. Pishhik V.I. Tipologiya mental`nosti sovetskix i postsovetskix pokolenij [The typology of mentality of the Soviet and Post-Soviet generations Typology]. *Rossijskij psixologicheskij zhurnal [Russian Psychological Journal]*, 2010. Vol. 7, no. 3, pp. 18–24. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Pishhik V.I. Pokoleniya: social`no-psixologicheskij analiz mental`nosti [Generations: Socio-Psychological Analysis of Mentality]. *Social`naya psixologiya i obshhestvo [Social Psychology and Society]*, 2011, no. 2, pp. 80–88. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Postnikova M.I. Psixologiya otnoshenij mezhdru pokoleniyami v sovremennoj Rossii. Diss. dokt. psikh. nauk. [Psychology of relations between generations in modern Russia. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Saint-Petersburg, 2011. 445 p. (In Russ.).

14. Rikel` A.M., Dorenskaya S.V. A socio-psychological model of values among different generations in modern russian society]. *Rossijskij psixologicheskij zhurnal [Russian Psychological Journal]*, 2017. Vol. 14, no. 4, pp. 205–227. doi: 10.21702/rpj.2017.4.10 (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Sivrikova N.V. Problemy` izucheniya pokolenij v psixologii [Problems of research on generations in psychology]. *Kul`turno-istoricheskaya psixologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2015. Vol. 11, no. 2, pp. 100–107. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2015110210
16. Tolsty`x A.V. Opy`t konkretno-istoricheskoy psixologii lichnosti [The experience of concrete historical psychology of personality]. Saint-Petersburg: Aletejya, 2000. 288 p. (In Russ.).
17. Fedotova V.A. Vzaimosvyaz` cennostej i innovativny`x ustanovok u predstavitelej razny`x pokolenij rossiyan [Values and Attitudes towards Innovation among Different Generations of Russian People]. *Social`naya psixologiya i obshhestvo [Social Psychology and Society]*, 2016, Vol. 7, no. 2, pp. 82–92. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2016070206
18. Cymbalenko S.B. Vzaimodejstvie pokolenij v novom social`nom izmerenii [The interaction of generations in the new social dimension]. *Mir psixologii [World of psychology]*, 2017, no. 1 (89), pp. 63–69. (In Russ.).
19. Shurbe V.Z. Pokolenie xaj-tek i «novy`j konflikt» pokolenij? [Hi-tech generation and “new conflict” of generations?]. *Sociologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2013, no. 4, pp. 100–106.
20. Abrams D., Eller A., Bryant J. An age apart: the effects of intergenerational contact and stereotype threat on performance and intergroup bias. *Psychology and aging*, 2006. Vol. 21, pp. 691–702.
21. Campbell W.K. et al. Generational Differences Are Real and Useful. *Industrial and Organizational Psychology*, 2015. Vol. 8 (3), pp. 324–331.
22. Lyons S.T. et al. A qualitative exploration of generational identity: Making sense of young and old in the context of today’s workplace. *Work, Aging and Retirement*, 2017. Vol. 3 (2), pp. 209–224. doi:10.1093/workar/waw024 (data obrashhenija: 04.05.2018)
23. Tajfel H., Turner J. (1979). An intergrative theory of intergroup conflict. In: Austin W.G., Worchel S. (eds) *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey: Books Publishing Company, 1979, pp. 33–49.